

Международный проект «Нестор»

Санкт-Петербург—Кишинев—Париж

Партнерство во имя истории

Учредители проекта:

Санкт-Петербургский институт истории
Российской Академии наук

Высшая антропологическая школа
(Кишинев)

Центр русских исследований
Школы высших исследований социальных наук
(Париж)

Руководитель проекта

Сергей Эрлих

Издатель

Сергей Марар

Редакция:

П.В. Ильин, О.И. Киянская,
И.В. Лукоянов (главный редактор),
В.И. Мусаев, С.В. Яров

Редакционный совет:

Е.В. Анисимов, Р.Ш. Ганелин, Б.Ф. Егоров,
В.Н. Плешков, А.Н. Цамутали
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

В. Берелович

(Школа высших исследований социальных наук (Париж))

Ж. Нива

(Женевский университет)

У. Розенберг

(Мичиганский университет)

Д.М. Фельдман

(Российский государственный гуманитарный университет)

Л. Хеймсон

(Колумбийский университет)

М. Хильдемайер

(Геттингенский университет)

А.М. Эткинд

(Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Х. Ян

(Кембридж)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

НЕСТОР № 7

(2005 № 1)

*Ежеквартальный журнал
истории и культуры
России и Восточной Европы*

ТЕХНОЛОГИЯ ВЛАСТИ

*источники
исследования
историография*

*Редакторы номера
И. В. Лукоянов,
С. Е. Эрлих*

Издательство
«Нестор-История»
СПб ИИ РАН

Санкт-Петербург
2005

*Утверждено к печати ученым советом
Санкт-Петербургского института истории РАН.*

Нестор № 7 (2005, № 1). Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. **Технология власти.** Источники, исследования, историография. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. 458 с.

Рецензенты:

д. и. н. А. Н. Цамутали

д. и. н. В. И. Мусаев

This copy is prohibited for sale outside Russia and CIS countries
The legal sale: <http://nestor-historia.org>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО: ВЫБОР ИМЕНИ ДИСЦИПЛИНЫ

- С. Е. Эрлих* (Санкт-Петербург). **Станет ли история «учительницей жизни»? («Технология власти» — проект «оживления» истории)**11
- С. Н. Тутолмин* (Санкт-Петербург). **Концепция политической культуры в отечественной и зарубежной науке**20

ИСТОЧНИКИ

- Всеподданнейший доклад статс-секретаря графа И. А. Каподистрия об управлении Бессарабской областью за 1816—1820 гг. (17 марта 1822 г.).**
Подготовка текста, вступительная статья и примечания
П. И. Макаря (Кишинев)47
- Из кулуаров Государственной думы: информационные листки «Осведомительного бюро» за 1911 год.**
Подготовка текста, вступительная статья и примечания
И. В. Лукоянова (Санкт-Петербург)69
- Записки Н. И. Туган-Барановского по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики (1914—1915).**
Подготовка текста, вступительная статья и примечания
С. В. Куликова (Санкт-Петербург)141

ИССЛЕДОВАНИЯ

- П. В. Седов* (Санкт-Петербург). **Спальники конца царствования Алексея Михайловича (1667—1675 гг.)**177
- П. В. Седов* (Санкт-Петербург). **«Он мне свой...». (Свойство при московском дворе XVII в.)**190
- Е. В. Анисимов* (Санкт-Петербург). **Самодержавие XVIII века: право править без права**200
- М. М. Сафонов* (Санкт-Петербург). **«Ангальт-Цербстская девственница»**208
- С. А. Исаев* (Санкт-Петербург). **Федеральные исполнительные структуры США при президенте Т. Джефферсоне (1801—1809 гг.)**243
- С. Н. Тутолмин* (Санкт-Петербург). **Российский крестьянин в сельской и волостной администрации: борьба за власть и за освобождение от нее (начало XX в.)**264

<i>С. В. Куликов</i> (Санкт-Петербург). Совет министров и Прогрессивный блок во время падения монархии	280
<i>С. В. Яров</i> (Санкт-Петербург). Конформизм интеллигенции в 1917—1920-е гг.: причины, мотивация и формы сотрудничества с властями	300
<i>С. В. Яров</i> (Санкт-Петербург). «Политическое воспитание» как средство формирования нового человека: система комсомольского просвещения в 1921—1924 гг.	315

МИФОЛОГИЯ ВЛАСТИ

<i>А. А. Романчук</i> (Кишинев). Спор Хора и Сета и возникновение Раннего царства Египта: Юг или Север?	325
<i>Л. А. Мосионжик</i> (Кишинев). Запад — земля обетованная? (Мифическая география как ресурс реальной власти)	335
<i>О. В. Эдельман</i> (Москва). Армагеддонская война (мир советского человека)	352

ТЕРМИНОЛОГИЯ ВЛАСТИ

<i>Д. М. Фельдман</i> (Москва). К истории советской пенитенциарной терминологии: опыт подготовки комментария и терминологического досье	365
<i>М. П. Одесский, Д. М. Фельдман</i> (Москва). Поэтика «Оттепели»: Материалы к изучению пропагандистской модели XX съезда КПСС. Идеологема «культ личности»	374
<i>Д. М. Фельдман</i> (Москва). Пропагандистская схема XX съезда КПСС: к истории термина «реабилитация» в советской культуре	403

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>С. Е. Эрлих</i> (Санкт-Петербург). Уортмания (восприятие идей Р. Уортмана в России)	429
<i>А. И. Богомолов</i> (Санкт-Петербург). «Сценарии власти» Ричарда Уортмана: обзор зарубежных и отечественных рецензий	443
Сведения об авторах	456

THE CONTENTS

HISTORY POLITICAL: CHOICE OF THE NAME OF DISCIPLINE

- S. E. Ehrlich* (St. Petersburg). **Will History Be «The Teacher of the Life»? («Technology of Power» — A Project for Revitalization of the History)**11
- S. N. Tutolmin* (St. Petersburg). **Conception of the Political Culture in Russian and Foreign Science**20

SOURCES

- «The Report of State Secretary Count Capodistria on Administration of the Bessarab Region Between 1816 and 1820 (March 17, 1822)».**
Introduction, publication and comments by *P. I. Makari* (Kishinev)47
- From the Lobby of the State Duma: Informational Papers of the «Bureau of Information» (1911–1914 gg.).**
Introduction, publication and comments by *I. V. Lukoyanov* (St. Petersburg)69
- «Notes of N. I. Tugan-Baranovskiy on Some Issues of the Domestic Policy, Related to the War (1914–1915)».**
Introduction, publication and comments by *S. V. Kulikov* (St. Petersburg)141

RESEARCHES

- P. V. Sedov* (St. Petersburg). **Spal'niks of the Late Period of the Reign of Aleksey Mikhailovich (1667–1675)**177
- P. V. Sedov* (St. Petersburg). **«He's My Akin...» (Relationship at the Moscow Royal Court in the Seventeenth Century)**190
- E. V. Anisimov* (St. Petersburg). **Autocracy of the Seventeenth Century: A Right to Rule Without Right**200
- M. M. Safonov* (St. Petersburg). **The Virgin of Anhalt-Zerbst**208
- S. A. Isaev* (St. Petersburg). **Federal Executive Structures of the USA Under the President T. Jefferson (1801–1809)**243
- S. N. Tutolmin* (St. Petersburg). **The Russian Peasant in Village and Volost' Administration: Struggle for Power and for Emancipation from It (Early Twentieth Century)**264
- S. V. Kulikov* (St. Petersburg). **The Council of Ministers and the Progressive Block in the Time of Collapse of the Monarchy**280

S. V. Yarov (St. Petersburg). **Conformism of the Intelligentsia from 1917 on through 1920s: Causes, Motivation and Forms of Cooperation with the Authorities**300

S. V. Yarov (St. Petersburg). **«Political Upbringing» as a Means of Creation of the «New Man»: System of Komsomol Education between 1921 and 1924**315

MYTHOLOGY OF AUTHORITY

A. A. Romanchuk (Kishinev). **Argument between Chor and Set and Formation of the Early Kingdom in Egypt: South or North?**325

L. A. Mosionzhnik (Kishinev). **West – the Promised Land? (Mythical Geography as a Resource of the Real Power)**335

O. V. Edelman (Moscow). **The Armageddon War (The World of the Soviet Man)**352

TERMINOLOGY OF AUTHORITY

D. M. Feldman (Moscow). **A Contribution to the History of the Soviet Penitentiary Terminology: Experience of Preparation of a Commentary to a Terminological Dossier**365

M. P. Odesskiy, D. M. Feldman (Moscow). **Poetics of the «Thaw»: Materials to the Study on the Propaganda Model of the 20th Congress of the CPSU. Ideologem «Personality Cult»**374

D. M. Feldman (Moscow). **Propaganda Model of the 20th Congress of the CPSU: A Contribution to the History of the Term «Rehabilitation» in the Soviet Culture**403

HISTORYOGRAFY

S. E. Ehrlich (St. Petersburg). **Wortmania (Apprehension of the Ideas of R. Wortman in Russia)**429

A. I. Bogomolov (St. Petersburg). **«Screenplays of Power» by Richard Wortman: A Survey of Foreign and Russian Reviews**443

The items of information on the authors456

**ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО:
ВЫБОР ИМЕНИ ДИСЦИПЛИНЫ**

СТАНЕТ ЛИ ИСТОРИЯ «УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ ЖИЗНИ»? («ТЕХНОЛОГИЯ ВЛАСТИ» — ПРОЕКТ «ОЖИВЛЕНИЯ» ИСТОРИИ)

S. E. Ehrlich (St. Petersburg). Will History Be «The Teacher of the Life»? («Technology of Power» — A Project for Revitalization of the History). The past is important as a reserve of patterns of behaviour in crucial vital situations. In various ages these patterns were represented in the most authoritative way through various forms of knowledge. One can outline the following dependence of leadership of one or another «teacher of life» from civilization transformations: the agrarian society — religion, the industrial one — literature, the informational one — history. Sacred examples of religion («experience of the due») and quasi-religious «images» of literature («experience of non-due») should be complemented by patterns of behaviour, realized according to the standards of the scientific knowledge: historical «experience of being». Research and presentation of patterns of behaviour are impossible in the frame of the sociocentric approach, dominating the historical science. Sociocentrism must be not only complemented with anthropocentrism — the study of activity. Anthropological approach must be the leading one in history. Behaviour strategies of the people of «all times and nations» must be analyzed, so to speak, within the time and the space. A complex task is to be solved. First of all it is necessary to single out everything which is transformed under the influence of «the spirit of the time» and «the local conditions», as well as to determine «trans-historical» and «international» constants of different types of behaviour. In the terms of «instruction» the project of history will represent comprehensive technology (the ancient Greek for science of handicraft/art) of life.

1. «Камо грядеши?»

Геродот был уверен, что его проект под названием «история» затмит остальные виды гуманитарного знания. Ведущее место, предназначаемое истории, доказывается ее позиционированием среди древних в качестве «учительницы жизни» (Цицерон). К сожалению, проект, *пока*, не реализован в задуманном античностью виде. Накануне трех русских революций и двух мировых войн В. О. Ключевский пророчески признавался, что история «ничему не учит». Не случайно, что именно после этих катастроф некрофильствующие теоретики постмодерна сладострастно объявили о «конце истории» (Ф. Фукуяма).

В связи с тем что «учительный» проект истории очень далек от своего воплощения, историкам и раньше было сложно ответить на вопрос о социальной значимости своей дисциплины. Теперь же, в свете антиисторического «лингвистического поворота» постмодерна, «ремесло историка» выглядит тем более бессмысленным.

Я — историк по складу ума, образованию и профессии — убежден, что мыслители, принявшие *паузу* за последний аккорд, будут в ближайшее время вытеснены из центра интеллектуального «поля». Убежденность эта рождена стремлением обеспечить будущее для себя и как можно большего числа поколений рода человеческого. Исходя из этого естественного желания, считаю, что люди не выживут, если будут ориентироваться по «симулякрам» перед лицом наступивших цивилизационных катастроф.

Время *пост* и его идеология свидетельствуют вовсе не о начале новой мифологически застывшей эпохи. Это время последней стадии — *разрушения*, или, говоря языком постмодернистов, «деконструкции», индустриального общества. Апокалиптическое оживление исторических процессов в преддверии рождающейся *информационной цивилизации* требует адекватных способов осмысления. Односторонний «текстостремительный» «новый историзм» постструктуральных филологов в данном случае бесполезен. Необходим действительно исторический «двусторонний» подход, т. е. диалог текстов с реальностью времени и пространства.

У меня есть предложения по реанимации глобального проекта исторической науки.

Но прежде чем предлагать «Что делать?», мне, как истинному историку, следует ответить «Кто виноват?» — определить причины, по которым история до сих пор не стала «учительницей жизни».

2. «Кто виноват?»

Знакомство с трудами античных историков убеждает, что наша наука делала тогда первые, но отнюдь не детские шаги. Демонстрируя потомкам образцы поведения предков, она на равных конкурировала с религией и литературой за право называться «учительницей жизни».

В связи с историческим наступлением христианства проект истории был заморожен. На протяжении тысячелетия учиться жизни можно было только по одной книге — Библии. Ее священные образцы были непререкаемым жизненным авторитетом. Основанное на «десяти заповедях» христианское «учение жизни» можно определить как «*опыт должного*». В передаче этого опыта верующим и неверующим заключается непреходящее значение «благой вести».

Обмирщение культуры Нового времени открыло благоприятные перспективы для всех отраслей знания. При смещении смысла жизни с неба на землю было бы естественным, чтоб мирская история приняла от истории священной эстафету представления поведенческих образцов. Но для осуществления «учительной» сверхзадачи истории возникло новое препятствие в виде «нового Левиафана» — всевластного тогда государства.

Дело в том, что в рамках исторического проекта невозможно «учить жизни» без самого пристального внимания к центральному жизненному отношению — власти, в первую очередь власти государственной. Люди, находящиеся во главе государства, прекрасно понимают, что предание во всеобщее сведение их секретов, осмысление их профессиональных приемов увеличат ненужную им конкуренцию за право занимать руководящие посты. Поэтому они стараются окутать свою деятельность туманом «государственной тайны». С другой стороны, тенденциозная интерпретация прошлого является важным инструментом борьбы за власть. Классический пример — постоянное обоснование захватнических войн «историческими правами» на те или иные территории.

Поэтому возрождавшаяся история была сразу поставлена под жесткий государственный контроль. Ее основной задачей стала пропаганда национальной программы — «основного» государственного мифа, а также «историческое» обоснование текущей внешней и внутренней политики. И лишь в свободное от «основной работы» время историкам дозволялось изучать прошлое в пределах, не противоречащих национальной программе и политической конъюнктуре. Именно по этой причине исторический метод давал плодотворные результаты преимущественно на «чужой

территории», за пределами собственно исторической науки: в биологии, геологии, психологии, юриспруденции, языкознании и т. д.

В этой ситуации религию в качестве главной «учительницы жизни» **вынуждено** (помните, у Герцена о «единственной трибуне» народа, «лишенного общественной свободы») сменила не история, а менее зависимая от государственного диктата художественная литература — повествование выдуманных историй. Литература Нового времени мало подходила для выполнения задачи, навязанной ей в «порядке общественной нагрузки». Ведь она была задумана как проект эстетический, развлекательный, игровой. Мессидж — учительная «доза» до сих пор доставляется читателям контрабандой под пряным соусом захватывающего сюжета. Это раздвоение литературы между эгоистичным «принципом удовольствия» и «общественной пользой» несомненно усиливает ее эстетический эффект, но столь же несомненно ослабляет ее «образцовую» функцию.

Искусство, в той мере, в какой оно является проекцией литературы в мир драматических, изобразительных и музыкальных форм, также несло «учительную» миссию зрителям и слушателям. Поскольку в «учительном» плане искусство — «литературоцентрично», более того — полнейшая тавтология литературы, то нет смысла «умножать сущности» в процессе изложения темы.

Генетическая связь с религией (литература — это миф, утративший сакральность), с одной стороны, облегчила преемственность этих «учительниц жизни». Близкое религиозному чувству сопереживание литературным героям, прежде всего, свидетельствует, что читатель примеряет к себе «образцовый» опыт литературы.

Вместе с тем прямолинейное наследование «учительной» функции религии объясняет разительную несовременность квазирелигиозных литературных образцов рациональному духу Нового времени. Возможность эксплуатации религиозных чувств соблазнила литературных творцов следовать в своей «педагогической» деятельности нетворческим путем мирской религии. Благодаря этой вторичности писатели — «властители дум» выступают как архаичные эпигоны пророков и апостолов, а все «учительное» в их произведениях выглядит если не плагиатом, то ослабленной копией священных книг, их мирским **повторением**.

Повторяя предписания религии, литература была вынуждена изменить форму их проповедования. Причина изменения форм вызвана тем, что выдуманные истории лишены сакрального ресурса священной истории. В отличие от религии литература не в силах убедить следовать «должным» образцам поведения посредством ветхозаветного аргумента: «это хорошо».

Все удавшиеся попытки создания «образцового» «положительного героя» относятся к периодам классицизма и романтизма, когда религиозное сознание еще владело читателями. Фактически литература в этих случаях воровски присваивала «**символический капитал**» (П. Бурдьё) веры. Как только мирское сознание стало преобладающим, литература «положительных героев» — робинзонов, зверобоев, айвенго, спартаков, оводов — перешла в разряд детского чтения. Согласитесь, что и «положительные герои» актуальной литературной классики выглядят, большей частью, как безжизненный фон для несомненных негодяев и героев **неоднозначных** — «полуподлецов». Попытки сделать «положительного героя» «главным», т. е. действительно героем, не увенчались успехом даже у таких гениев, как Гоголь и Достоевский.

Поэтому литература выполняет свою «учительную» миссию «отрицательным» образом. Необходимость добра доказывается изображением мерзости зла. Литература — это, прежде всего, реестр непристойных мыслей и дурных поступков. Здесь

этика выражается через эстетику отвратительного, через разоблачение обаяния зла. В отличие от религии с ее приматом должного, литература убедительнее всего передает *«опыт недолжного»*. Сопереживая терзаниям Раскольникову, мы, тем самым, предупреждаем развитие темных помыслов в собственной душе. Опыт литературы удерживает нас от зла. Спасибо ей за это.

Литературоведы с законной гордостью подчеркивают общественное значение художественной литературы как виртуального генератора образцов поведения реальных людей. Но им не хочется признаваться, что образцы эти относятся к ограниченной сфере жизненного опыта.

Ограниченность опыта литературы, прежде всего, связана с ограниченностью жизненного опыта ее гениальных творцов. Разумеется, опыт любого человека меньше совокупного опыта людей, живших в истории. Но принципиальная черта писателя-художника в том, что он не нуждается в опосредованных источниках опыта. В отличие от ученого, воспроизводящего картину действительности на основании как можно большей совокупности внешних ему сигналов, художник творит виртуальные миры *из себя*. Ученый зависит от реальности. Писатель свободен в своих фантазиях. Именно в способности порождать небывалые смыслы заключается гений художника. Проникаясь метафизическим опытом придуманных писателями миров, мы, несомненно, испытываем редкое эстетическое наслаждение. Также несомненно, что опыт художественных гениев человечества может помочь тому, кто избрал сходный путь неотмирного творца, мученика, пророка. Но в какой мере опыт литературы может служить образцом для нормальных людей реального мира? Принимая к сведению литературные ответы на вопросы, рожденные действительностью, всегда следует помнить, что писатели — люди, у которых гениальность часто соседствует с безумием. И не всегда легко понять: какой из созданных ими «образцов» гениально прост, а какой просто безумен.

Предложенная интерпретация «учительной» функции литературы может быть воспринята как профессиональная ревность представителя маргинальной дисциплины. Поэтому необходимо ответить на резонный вопрос: почему теперь, когда государство уже не полновластно даже в России, историческая наука никоим образом не реализовалась в качестве «учительницы жизни»?

Прежде всего, следует заметить, что только безумцы ревнуют к прошлому. Говоря об «учительной» миссии литературы, я имел в виду литературу Нового времени — ушедшей эпохи модерна или индустриального общества. Современная литература, как правило, не учит «делать жизнь с кого». Она добровольно сняла с себя «общественную нагрузку» генерации жизненных образцов и вернулась «на круги своя» эстетических игр и духовных развлечений.

Неполновластное ныне государство действительно не в силах мешать реализации исторического проекта античности. На пути истории возникло новое препятствие — философия постмодерна. Ее литературно ориентированные теоретики, исходя из своих стратегических целей, лишают историю права на существование. Как они обосновывают свое «приглашение на казнь»?

По их мнению, связь между знаком и реальностью — произвольна. Поскольку прошлое явлено нам в виде совокупности знаков — текстов, то мы не можем достоверно реконструировать прошлое по оставшимся от него текстам. Поэтому текст не может быть историческим источником, а история не может считаться наукой. Постмодернисты отменили «историческую» связь «текст» — «реальность». В качестве единственной реальности они рассматривают «литературную» связь «текст» — «текст». Мир, при таком «интертекстуальном» подходе, сводится к литературо-

центричному миру текстов. А постмодернистская филология становится «наукой наук» гуманитарного знания.

Здесь не место разбирать гносеологические предпосылки проекта постмодерна. Для нас важен «бизнес-план» его проектировщиков. В рыночных условиях университетской науки Запада между различными отраслями знания, играющими на одном гуманитарном «поле», неизбежно возникают конкурентные отношения. Постмодернистским гуманитариям-«дарвинистам» представляется, что для достижения успеха в борьбе за внимание студентов и, соответственно, финансирование своей дисциплины есть лишь один путь — ослабить, а то и устранить ближайшего конкурента. А ближайшей к литературоведению является история.

Эти дисциплины-родственники под разными углами рассматривают одни и те же тексты прошлого. Не случайно долгое время в университетах существовали историко-филологические факультеты. Расхождение дисциплин на пике Нового времени напоминало дележ наследства глупыми братьями. Неделимый мир текстов — источников был безжалостно разрушен на две части. Литературоведам достался «fiction», все «невывымышленное» — историкам.

Пока государство оставалось всевластным, литературоведение было удовлетворено «разделом имущества». Филологи, занимаясь своими внешне безобидными для государственной власти «фикциями», пользовались гораздо большей научной свободой, чем «политизированные» историки. Рабски зависимая история объективно была слабее в научном плане и не могла на равных конкурировать с литературоведением.

Ситуация изменилась. Теперь государство ограничено. Возникли предпосылки для реализации проекта научной истории. Постмодернистские литературоведы слишком «по-дарвиновски» понимают «борьбу за существование» и не хотят допустить усиления конкурента. Лучшая оборона — наступление. Постструктуральные филологи выдвинули тезис: «**Все исторические источники — литературные тексты!**» Под этим бесспорным знаменем они смело переходят на традиционную территорию истории и начинают своими методами исследовать государственную власть. При этом постмодернисты всячески дискредитируют опыт историков. Странно, что люди, по долгу профессии постигающие христианский, по сути, опыт литературы Нового времени, так одержимы языческой страстью добить израненного «новым Левиафаном» гладиатора исторической науки. Печально, что поискам всегда относительной научной истины теоретики постмодерна предпочитают борьбу за абсолютную власть в науке. Призываю постмодернистских представителей братской дисциплины не представлять конкуренцию в дарвиновском смысле «выживания видов»:

— «Каин, где брат твой — Авель?»

— «Разве я сторож брату моему?»

Считаю, что, даже конкурируя идейно, можно плодотворно возделывать одно «поле» в тесном сотрудничестве с коллегами. Для этого не следует ограничиваться постулатом постмодернистского «лингвистического поворота»: «**все (точнее — многие) исторические источники — литературные тексты**». Он должен быть дополнен, не менее резонным, обратным подходом — «**все литературные тексты — исторические источники**». Конкуренция должна идти не за распределение скудных финансов между гуманитариями, а за повышение научных стандартов наших дисциплин. Последнее неминуемо приведет к увеличению доли всей гуманитарной сферы в общественном разделении труда. Следует приветствовать междисциплинарные исследования, которые, несомненно, улучшают наше понимание прошлого и, тем

самым, взаимообогащают историю и филологию. Приглашаю к сотрудничеству всех филологов, нацеленных на диалог, т. е. признающих оба взаимоисключающих подхода.

3. «Что делать?»

Нынешняя ситуация — государство неполновластно, теория постмодерна теряет свое влияние — благоприятна для реализации проекта истории — «учительницы жизни».

Для успеха этой миссии история, прежде всего, должна остаться наукой. Священные примеры религии («опыт должного») и квазирелигиозные «образы» литературы («опыт недолжного») следует **дополнить** образцами поведения, осмысленными по стандартам научного знания, — историческим **«опытом сущего»**. Можно наметить следующую зависимость лидерства той или иной «учительницы жизни» от цивилизационных трансформаций: аграрное общество — религия, индустриальное — литература, информационное — история. Исследование и презентация образцов поведения невозможны в рамках господствующего в исторической науке социоцентричного подхода. Названный подход исследует историю общественных институтов, которые, в свою очередь, являются **результатом** деятельности предшествующих поколений и **условием** деятельности поколений последующих. Сама **деятельность**, образцы которой обязана представлять «учительница жизни», остается за рамками социоцентричного подхода. Поэтому результаты нынешних исторических исследований, интересные только самим историкам, являются продуктом исключительно «внутреннего потребления».

Социоцентризм должен быть не просто дополнен антропоцентризмом — изучением деятельности. Антропологический подход должен стать ведущим в исторической науке. Иначе она никогда не станет «учительницей жизни». Поскольку хорошо оплачиваемой «служанкой политики» ей быть уже невозможно, то альтернативы антропоцентричному подходу для исторической науки не существует.

Поведенческие стратегии людей «всех времен и народов» в идеале должны быть проанализированы, так сказать, во времени и пространстве. Должна быть решена «двуединая» задача. Прежде всего, необходимо выявить все изменчивое под влиянием «духа времени» и «местных условий». А также определить «трансисторические» и «интернациональные» константы различных типов поведения. В «учительном» смысле проект истории будет представлять всеобъемлющую **технологию** (т. е. науку о ремесле/искусстве (др.-греч.)) **жизни**.

Намеченная здесь программа слишком глобальна. Это, действительно, — программа-максимум. Ее осуществление потребует десятилетий. Но мы, живущие «здесь и сейчас», должны положить начало глобальному историческому проекту. Для этого следует его приземлить — проблемно, географически и хронологически. Чтобы не выглядеть фантазерами, следует начать с более обозримого проекта. Таковым представляется проект изучения поведенческих аспектов («технологии») центрального общественного отношения — власти, в первую очередь, на историческом материале России и стран Восточной Европы в эпоху Нового времени. Необходимо обогатить тематические, территориальные и темпоральные ограничения проекта **«Технология власти»**.

Вопрос: почему **«Технология власти»**? — необходимо разделить на вопросы о «власти» и «технологии».

Исследование власти выбрано по следующим причинам:

1) Государство всегда было в центре внимания исторической науки. Накопленный ею огромный опыт изучения этой сферы благоприятствует реализации «учительного» проекта, в первую очередь, на материалах политической истории;

2) Пока государство существует в нынешнем виде, его власть будет важнейшим фактором всей совокупности властных отношений. Поэтому научно осмысленные «учительницей жизни» «политические» поведенческие образцы будут востребованы обществом в первую очередь. Уделяя центральное внимание государственной власти, следует помнить, что она исторически преходяща. В связи с этой перспективой проект должен быть чрезвычайно внимателен к осмыслению образцов властного поведения в других сферах: культуре, экономике, различных социальных группах, в т. ч. семье, и т. д.

В случае успеха проекта историки станут интересными не только себе, но и представителям других гуманитарных наук. Но самое главное, их продукт найдет потребителей среди практических деятелей политики, бизнеса, культуры. Благодаря этой востребованности историки смогут обеспечивать себя продажей своего интеллектуального продукта на несопоставимо более широком, чем сейчас, общественном рынке.

«Технологический», прикладной аспект выбран не случайно. Этот выбор определен «образцовым», т. е. прикладным характером «учительного» исторического проекта. Как люди прошлого добивались власти, как они удерживали власть — вот два «основных вопроса», на которые историческая наука должна дать ответ в рамках проекта «Технология власти».

Не является ли данный проект дублированием политологических исследований?

Не является по следующим причинам:

1) Понятие власти намного шире политики, т. е. власти государственной. Проект «Технология власти» охватывает сферы, недоступные политологии.

2) Политология относится к разряду философских наук и поэтому, обращаясь к прошлому в контексте политических теорий, специально не затрагивает конкретный «технологический» уровень воплощения власти;

3) Прикладные политологические исследования обращены к «современности» и не пользуются фондом архивных источников, с которыми работают историки.

С развитием исторического проекта «Технология власти» политология получит недоступную ей ныне возможность сопоставлять собственные выводы с результатами исследований сходных вопросов на материале прежних эпох и отличных от политики сфер деятельности. Концептуальный взаимообмен истории и политологии будет полезен для обеих дисциплин.

Не повторяет ли проект «Технология власти» вышедший из школы «Анналов» проект «политической антропологии»?

Несомненно, эти проекты близки общим им антропологическим подходом. Отличия их лежат в сфере приложения. Французский интеллектуальный продукт сосредоточен на политической сфере прошлого. Предлагаемый проект рассматривает отношения власти во всех сферах общественной жизни.

Кроме того, само наименование «политическая антропология» терминологически небезупречно. Упоминание «политики» отсылает к социоцентрическому подходу, с его делением на культурную, политическую, социальную и экономическую сферы. Поэтому «политическая антропология» — оксюморон взаимодополнительных, следовательно, несовместимых в одном понятийном поле социо- и антропоцентричных подходов. Терминологическая невнятица «анналистского» проекта, несомненно, снижает объяснительную силу разворачиваемых в его рамках исторических концепций.

Территориальные рамки объекта исследования объясняются тем, что Россия — страна гипертрофированной государственной власти. Как история Франции является эталоном для исследований феодализма, так русская история представляет «образцовый» материал для изучения многих стратегий власти. Не случайно классическая работа А. Г. Авторханова с одноименным нашему проекту названием посвящена истории советского режима. Страны Восточной Европы, в разное время и в разной степени бывшие под властью России, также представляют чрезвычайно богатый материал преломления властных традиций русской и советской империй в местных условиях. Кроме того, инициаторы проекта являются специалистами по русской истории. Наша обязанность — задать образец, показать свой проект в действии. А сделать мы можем это только на источниках русской истории.

Хронологическая привязка проекта к Новому времени, эпохе Российской империи — очень условна. Она объясняется исключительно состоянием источников русской истории. Архивы имперской эпохи более сохранны, чем средневековые, и более доступны, чем советские. Эта особенность источникового фонда имперского периода дает возможность наиболее полно представить технологию власти того времени.

Разумеется, тематические, временные и пространственные ограничения «*Технологии власти*» не являются принципиальными. Мы будем приветствовать все «из ряда вон выходящие» исследования, авторы которых разделяют общий дух заявленного проекта.

Внеположный любому государству, сугубо научный характер «*Технологии власти*» создает условия для плодотворного взаимообмена пока сильно различающихся традиций славистики — отечественной и западной. Различия порождены долголетней службой историков в пропагандистских армиях супердержав, находившихся в состоянии «холодной войны». Война окончена. Но выработанные тогда конфронтационные подходы до сих пор препятствуют полному взаимопониманию. «*Технология власти*» — платформа, на которой «традиции всех прошлых поколений» могут быть успешно преодолены и может быть основана традиция партнерства во имя истории.

Немаловажна прагматическая сторона международного сотрудничества по реализации проекта. Известно, что в России все продукты с этикеткой «*made in ...*» традиционно обладают повышенным престижем. Участие зарубежных исследователей, несомненно, увеличит популярность проекта среди их русских коллег. С другой стороны, разработка «*Технологии власти*» на русском и восточноевропейском материале — важное средство повышения рейтинга западной славистики в структуре гуманитарных дисциплин европейских и американских университетов.

Расцвет русских и восточноевропейских исследований на Западе пришелся на время «холодной войны», когда СССР и его союзники являли опасную военную силу. Развал СССР и «лагеря социализма», скромное место России в современной геополитике — все это привело к сокращению финансирования славистических исследований, приданию им едва ли не статуса «этнографии». Считаю, что интерес к России может быть вызван не только ее ядерными боеголовками.

Россия — средоточие огромного гуманитарного потенциала. Проблема ее гуманитариев в том, что они, в силу многих причин, не могут найти привлекательной концептуальной упаковки для своих исследований. «*Технология власти*», или буквально — **наука об искусстве власти**, это и есть престижная оболочка для экспорта качественного интеллектуального продукта. Западные слависты, будучи не рабскими реципиентами «света с востока», а равноправными участниками нашего общего проекта, получают уникальную возможность утверждения своего влияния в структуре своих университетов. Из «этнографов» они превратятся в законодателей мод среди гуманитариев.

Станет ли история «учительницей жизни»?

Реализация проекта «*Технология власти*», уже в силу его амбициозности, должна быть высокотехнологична. Какие шаги предполагают сделать в этом направлении инициаторы проекта: Санкт-Петербургский институт истории РАН, Высшая антропологическая школа (Кишинев), Центр русских исследований Школы высших исследований социальных наук (Париж)?

Исследовательская сердцевина проекта должна быть поддержана следующими инструментами:

- периодическим печатным изданием;
- специализированным издательством;
- международными конференциями;
- интернетовскими ресурсами.

Одним из важнейших направлений должна стать подготовка к публикации источников политической истории, хранящихся в русских и зарубежных архивах.

Огромное внимание должно быть уделено «педагогической» составляющей проекта. Без притока молодых исследователей успех невозможен.

Нет смысла подробно раскрывать здесь содержание всех названных направлений. Перед Вами первый практический шаг — первый выпуск «*Технология власти*». Следующий выпуск выйдет в 2006 году. Давайте работать вместе. Присылайте дискуссионные материалы, публикации источников и статьи.

От наших совместных усилий зависит, воплотится ли история в «*Технологию власти*» (т. е. науку об одном из «важнейших искусств») и, следовательно, станет «учительницей жизни» для людей рождающейся на наших глазах информационной цивилизации.

«Нестор» — партнерство во имя истории!

Нестор

Журнал истории и культуры России и Восточной Европы

№ 7 (2005, № 1)

**Технология власти:
источники, исследования, историография
СПб., 2005**

Научное издание

Выпускающий редактор *П. В. Ильин*

Корректор *О. Е. Юдина*

Оригинал-макет *А. В. Андреев*

Дизайн обложки *А. С. Ратманов*

Подписано в печать 31.01.2004. Гарнитура Академия.
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 28. Тираж 1000 экз. Заказ № 4.

Заказы присылать по адресу:
Издательство СПб ИИ РАН «Нестор-История»
197110 СПб., ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812) 235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии СПб ИИ РАН «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812) 235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru